

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2007 г., № 3

© С.А. Арутюнов. Рец. на: *Москва рубежа XIX и XX столетий. Взгляд в прошлое издае- ка* / Отв. ред. П. Ильин, Б.А. Рубл. М.: Росспэн, 2004. 303 с., илл.

Эта книга – не сборник статей, каким она выглядит на первый взгляд, а скорее комплексное коллективное монографическое исследование. Авторы ее живут и работают в США. Однако трое из них живут там лишь с 1987 г., а до того были москвичами, и четверо – американские ученые, ведущие специалисты по российской истории и культуре. Так что избранный ими предмет они знают не понаслышке. Предмет и временные рамки его рассмотрения нуждаются в пояснении. Они не могут быть названы собственно этнологическими или культур-антропологическими, хотя элементы таких подходов они содержат. Историческими их тоже не вполне можно назвать, так как рассматривается, скорее, синхронный срез, а не растянутый во времени процесс развития. Лучше всего жанр книги можно было бы обозначить как *geographie humaine* в стиле Элизе Реклю – изрядно и незаслуженно подзабытый жанр. По определению он подразумевает существенную долю этнографического и антропологического содержания, что и делает целесообразным разбор этой книги именно на страницах нашего журнала. Помимо введения и заключения, книга содержит восемь глав: 1. "Москва на переломе столетий" (П. Ильин, М. Каган); 2. "Особенное равнодушие и терпимость мегаполиса: Москва и Нью-Йорк на рубеже двух прошедших веков" (Б.А. Рубл.); 3. "Стоимость земли в Москве в начале XX века" (Р. Гостанд); 4. "География культуры Москвы в конце XIX – начале XX века" (П. Ильин); 5. "Топография стиля модерн в Москве: эстетика в урбанистическом контексте" (У.К. Брумфилд); 6. "Образ Москвы у Чехова – город надежды" (Р. Виттикер); 7. "Глядя через воду времени: Москва в представлении художников русского авангарда" (К. Короткина-Розенцвейг); 8. "Москва при новом режиме: динамика функций места" (М. Каган).

Мы здесь рассматриваем эту книгу главным образом в аспекте этнологической, или культур-антропологической составляющей этих глав, которая в разных главах обладает большим или меньшим удельным весом.

Гл. 1 рассматривает довольно уникальное в мировом плане свойство России позднимперского времени, а именно ее "двустиличность". По мнению авторов, между преимущественно обращенным во внешний мир Петербургом и повернутой лицом к русской провинции Москвой существовали как отчасти антагонистические, так и взаимно комплементарные отношения. В то же время каждая из двух столиц обладала своим стилем, своим особенным лицом, и нарушение этих стилей остро ощущалось. Как верно отмечают авторы, невозможно представить Исаакиевский собор стоящим где-либо в центре Москвы, а храмы русско-византийского стиля, будучи в Москве, подобно храму Христа Спасителя, вполне на месте, хотя и строились в Петербурге, но выглядели там чужеродно, как храм Воскресения Христа (Спас на Крови), как восточный купец, неведомо как оказавшийся посреди европейского города.

В этой же главе дается очерк истории сложения кольцевой структуры Москвы – щеголеватого Белого города, средоточия светской и культурной жизни, преимущественно жилого Земляного города и рабочих окраин. Хотя Москва конца XIX в. была на 95% русским городом, все же этническое многообразие ее проявлялось не только в облике толпы на самых оживленных торговых улицах, но и в облике неправославных храмов: 84 из общего числа 761. Имелись Немецкое, Татарское, Армянское, Еврейское, Караимское кладбища.

Сергей Александрович Арутюнов – член-корреспондент РАН, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН.

Районы с разным социальным и отчасти этническим составом разграничивали не только кольца, но и радиусы. С обширным цитированием художественной и мемуарной литературы в гл. 1 дается социально-функциональная, образная и яркая характеристика всем основным составляющим районов миллионного города.

Разный облик близких по общенациональному значению городов, воспроизводимость этой разницы во многих поколениях, несомненно, связанная с самим воспроизводством этих поколений, ощутимые различия в культуре разных участков одного города – это различия субэтнического характера. Они существуют не только на этном, но и на эмном уровне, отражаясь и в самосознании, и в самоназваниях.

В гл. 2 Блэр Рубл, рассматривая сходные черты социальной атмосферы Москвы и Нью-Йорка, по существу пишет о феномене мегаполиса вообще. Мегаполис – это и терпимость, и равнодушие людей друг к другу, это и клоака, и карнавал, он пугает и притягивает, поработает и освобождает. При этом сопоставление получается более лабораторно чистым, поскольку оба мегаполиса, в отличие от Лондона или Парижа (но подобно Милану, Барселоне, Бомбею, Осаке или Сан-Пауло), свободны от столично-административных функций. В них функционировала не общегосударственная, а сугубо локальная культура политического плюрализма. Однако "московские эксперименты в области политической толерантности не могли быть успешными во враждебной политической среде остальной страны", и этим Москва отличалась от Нью-Йорка.

В гл. 3, хотя и озаглавленной как "Стоимость земли...", на самом деле разбираются все факторы, определяющие эту стоимость, т.е. функциональные особенности различных участков города. Сюда входят плотность населения и ее динамика, пропорция полов в населении, концентрация и распределение промышленности, размещение центров торговли. Любопытно, что несмотря на огромные перемены, происходившие в Москве в течение XX в., многие закономерности этих факторов сохранялись, а в постсоветское время даже показывают тенденцию к восстановлению, в частности высокостатусность западного и юго-западного направлений.

Весьма повышают познавательную ценность данной главы приложенные к ней карты. В них воплощен огромный труд, и информационная ценность этих карт, пожалуй, даже больше, чем собственно текста. К сожалению, эти карты, которым следует быть в цвете (что, несомненно, имело место в оригинале), даны в черно-белом исполнении, где разные оттенки серого трудно различить, и, к еще большему сожалению, сильно уменьшены в масштабе. (Масштаб большинства карт 1:100 000, т.е. 1 км в 1 см, тогда как для карт городов требуется масштаб по меньшей мере вдвое более крупный.)

Особый интерес представляет гл. 4 "География культуры..." Здесь даны зоны размещения культурных учреждений, не только музеев, театров, но и клубов, кафе и просто квартир и домов, где проживали деятели культуры и где они собирались на свои, как сейчас сказали бы на новом сленге, "тусовки".

В главе ярко показано, что география культуры – это не только география учреждений культуры, но и география мест жительства и мест общения. Автор выделяет основные зоны города, от наиболее насыщенных высокой культурой до вовсе не приобщенных к ней, определяет роль и своеобразную собственную культуру общения дачных пригородов и даже дальних, но связанных с городом центров, таких как Таруса, Талашкино, Ясная Поляна. Глава пестрит именами, адресами, колоритными деталями, но главный ее смысл – показ того, как складываются узлы коммуникаций, информационных связей национальной духовной элиты, а эти узлы, как я давно уже пытаюсь показать, являются основным механизмом формирования и функционирования этноса.

Круг источников, привлекаемых авторами, в особенности в гл. 1 и гл. 4, очень широк. Естественно, доминируют русские источники. Однако заметно, что авторам хочется взглянуть на Москву эпохи перелома столетий не только русскими, но и "иностранными" глазами, и они используют все имеющиеся для этого возможности. Очень впечатляет обширный список англоязычной литературы о Москве и вообще о России того времени (с. 17–18).

Гл. 5 носит преимущественно описательный, даже не искусствоведческий, искусствовосвязанный характер. Познавательная ценность этой главы безусловна, но человеческая компонента в

формировании московского модерна выделена слабо. Кроме того, в псевдорусских имитаторских очертаниях Исторического музея и Городской Думы вряд ли правомерно усматривать "поиск подлинно народных форм выражения национального духа" (с. 197). Скорее, это типичная "Cachá a la russe" (выражение Л.Н. Толстого), не более народная, чем несколько более поздний "жапонеск" японской имперской архитектуры, лепивший на бетонные корпуса тяжеловесных зданий реплики летящих храмовых крыш деревянного зодчества. Кроме того, не вполне понятна терминология автора (У.К. Брумфилда): он говорит о стиле модерн, затем о стиле "нового искусства" (с. 196), о манере fin de siècle (с. 205), о Jugendstil (с. 208), об art nouveau (парой строчек ниже), о манере Beaux Arts и стиле "Сецессион" (с. 211). Остается неясным, все это одно и то же (и тогда зачем такое разнообразие слов) или это все же разные варианты модерна рубежа XIX–XX вв., но тогда в чем различие между ними? Помимо этого, к этой главе просто необходимы дополнительные иллюстрации. К другим главам их дано больше, хотя все равно меньше, чем хотелось бы. Здесь же их очень мало, и поэтому глава читается с трудом: мало какой читатель представляет себе все эти здания, даже если они и сохранились. Кроме того, в списке иллюстраций даже показанные здания стиля модерн разнесены по другим главам.

Я пропускаю гл. 6 и гл. 7 как в целом лишённые антропологической составляющей, хотя сами по себе очень изящные.

Но очень важна гл. 8 – Москва при новом режиме. Несмотря на утопические проекты "города будущего" на макроуровне, локальные функции, как мы видим, в основном сохранились. На микроуровне изменения диктовались, скорее, идеологией, нежели функциональной потребностью – например, снести церковь и разбить на ее месте сквер. После краха советского режима происходят частичное восстановление и развитие временно нарушенных им функций, т.е. жизнь города возвращается на "круги своя".

В целом следует сказать, что эта книга, помимо своего познавательного значения, во многих своих главах, в особенности в гл. 2 и в гл. 4, а также в искусствоведческих, не рассматриваемых здесь главах эссеистского характера шестой и седьмой, и несомненно, несмотря на ее серьезность, в гл. 2, представляет собой увлекательное и просто очаровательное чтение. Она не только рисует перед нами прошлое, но в какой-то степени позволяет экстраполировать заложенные в прошлом тенденции будущего и даже, пусть осторожно, но все же дать на это будущее некоторые рекомендации.